

come various exercises. In my view, both the explanations and exercises are well compiled. The exercises are supplied with a key at the end of the book, which enables the learner to check himself immediately whenever in doubt. The textbook closes with a Finnish-Japanese vocabulary,

To conclude, «Express Finnish» makes a favourable impression and it remains to be hoped that it will be met enthusiastically by Japanese learners. The book certainly contributes to the understanding of Balto-Finnic cultures and languages in Japan.

ENN VELDI (Tartu)

<https://doi.org/10.3176/lu.1988.1.13>

Л. Ф. Маркианова, Глагольное словообразование в карельском языке, Петрозаводск, «Карелия», 1985. 193 с.

Исследование научного сотрудника Карельского филиала АН СССР Людмилы Федоровны Маркиановой посвящено очень важной для прибалтийско-финских языков и малозученной проблеме суффиксального словообразования. До недавнего времени внимание исследователей привлекали лишь отдельные деривационные суффиксы, их происхождение и современное функционирование. Единственным монографическим исследованием в этой области является книга М. И. Зайцевой «Суффиксальное глагольное словообразование в вепском языке» (Ленинград, «Наука», 1978).

Л. Ф. Маркианова поставила перед собой нелегкую задачу разностороннего систематического изучения суффиксального словообразования глагола в карельском языке. Теперь, когда работа успешно завершена и глагольное словообразование карельского языка предстало в ней как стройная система, действующая по строго определенным правилам, можно только догадываться, с какими трудностями встречалась ее автор, анализируя морфологическую структуру производных глаголов в языке со столь малыми письменными традициями и слабо изученной морфологией вообще. Чтобы довести работу до такой ясности, автору надо было глубоко знать теоретические вопросы словообразования и прекрасно владеть материалом карельского языка. Того и другого оказалось достаточно, чтобы исследование предстало в нынешнем завершенном виде.

В работе освещены факты всех трех диалектов карельского языка, но в центре внимания находится родной диалект

автора, ливвиковский, которым она владеет безукоризненно. Для анализа привлечен материал из опубликованных текстов, словарей и исследований, но его основная и самая ценная часть собрана автором во время диалектологических экспедиций 1975—1979 гг. Монография представляет карельское глагольное словообразование прежде всего в его современном виде, но содержит много справок, связывающих карельские факты с историей прибалтийско-финских языков.

Книга состоит из предисловия, введения, двух глав и заключения, списка литературы, списка сокращений и списка использованных производных глаголов. В предисловии (с. 3—4) обосновывается выбор темы, определяются цели и задачи исследования, указываются источники материала и принципы его передачи, а также дается краткая аннотация работы. Цель свою автор видит в попытке на синхронном уровне (с привлечением исторических справок) «исследования отношений сосуществующих единиц: производящей основы и глаголообразующего суффикса в их взаимодействии» (с. 3).

Во введении (с. 5—15) обсуждаются теоретические проблемы суффиксального словообразования, определяются и уточняются такие важные для последующего изложения понятия и термины, как словообразовательный суффикс, производящая основа, производное слово, словообразовательная модель и т. п. Следует отметить, что при изложении теоретических основ работы, опирающейся на новейшие достижения науки о словообразовании, Л. Ф. Маркианова добивается максимальной точности и простоты, ко-

торая достигается большим трудом и свидетельствует о высокой научной ответственности автора. Приведенный обзор литературы, в которой так или иначе рассматривались вопросы суффиксального словообразования финно-угорских языков, подтверждает тот факт, что на синхронном уровне суффиксальное словообразование в карельском, как и в большинстве финно-угорских языков, до настоящего времени не служило предметом специального исследования, и, следовательно, рецензируемая работа является и своевременной, и актуальной.

Первая глава «Структура, семантика и закономерности присоединения словообразующих суффиксов глагола» (с. 16—68) состоит из четырех разделов. В первом разделе (с. 16—29) исследуются состав глаголообразующих суффиксов современного карельского языка, их структура и происхождение. В зависимости от количества гласных и согласных и их взаимного расположения выделенные автором 41 глаголообразующий суффикс построены по двенадцати моделям. Отмечается характерность для глаголообразующих суффиксов карельского языка консонантного начала. Если в современном языке такого начала нет, то оно часто восстанавливается исторически. Среди рассматриваемых суффиксов имеются как простые, состоящие из одного суффиксального элемента (например, *-a-*, *-i-*, *-o-*, *-vu-/vü-* и т. п.), так и сложные, образовавшиеся путем слияния двух или трех суффиксальных элементов (например, *-itta-/ittä-*, *-hutta-*, *-lehti-*, *-škoitta-/šköittä-* и т. п.). При рассмотрении суффиксов с точки зрения их происхождения автор учитывает все высказывавшиеся ранее точки зрения и приводит свое мнение, которое не всегда совпадает с общепринятым. Например, из состава обычно выделяемых суффиксов *-ahta-/ähitä-*, *-ele-* и *-alda/-äldä-* она исключает первый гласный, убедительно доказывая, что в действительности он является конечным гласным производящей основы, возникающим перед данными суффиксами из другого конечного гласного этой основы (с. 9).

Второй раздел (с. 29—40) посвящен семантике глаголообразующих суффиксов. По производящей основе, к которой они присоединяются, суффиксы делятся на

неотглагольные и отглагольные. Среди производных глаголов, образованных путем присоединения суффиксов к неотглагольной (главным образом именной) производящей основе, различаются фактивные, эссивные и транслативные. В свою очередь группу фактивных глаголов образуют собственно фактивные, инструментативные и привативные, а в группе эссивных глаголов входят собственно эссивные и эссенциальные. По наблюдениям автора, многие суффиксы неотглагольных глаголов полисемантичны. Что касается суффиксов отглагольных глаголов, то большинство из них обладает синкретичностью, заключающейся в том, что кроме своей основной, деривативной функции, они придают производным глаголам оттенки видовых и залоговых значений. Совершенно правильно здесь отмечается, что несмотря на отсутствие в парадигме глагола грамматической категории вида карельский язык при помощи словообразовательных суффиксов глагола может очень точно передавать различные количественные характеристики протекания действия: однократность и многократность, мгновенность и длительность, начинательность и т. п. Таким образом, в первых двух разделах главы доказываемся и развивается высказанное в начале работы положение о глаголообразующих суффиксах как единицах двусторонних, «в которых план выражения и план содержания неразрывны» (с. 5). Если первый раздел посвящен плану выражения, то второй — плану содержания.

Раздел третий называется «Порядок расположения и сочетаемость глаголообразующих суффиксов» (с. 40—55). В ходе исследования автором обнаружено, что карельский производный глагол может иметь от одного до четырех словообразовательных суффиксов, различные сочетания которых придают ему самые разнообразные оттенки значений. Выяснилось, что в составе производного глагола эти суффиксы располагаются не в произвольном порядке (как это может показаться на первый взгляд), а в строго определенной последовательности, которую можно проанализировать методом порядкового членения. В работе выявлены четыре порядка следования словообразовательных суффиксов глагола: первое место после лексической основы занимают транспони-

рующие суффиксы (т. е. такие, которые переводят неглагольную основу в разряд глагольных) и некоторые глагольные суффиксы длительного действия, второе — возвратно-транслативные, третье — каузативные и четвертое — видовые, производящие глаголы моментативного, фреквентативного и инхоативного действия. Установив возможности сочетания суффикса с производящей основой и выявив различные ограничения взаимосочетаемости этих двух морфем, можно судить о продуктивности каждой словообразовательной модели. В заключение на с. 52—54 дается табл. 1, показывающая сочетаемость суффиксов между собой. Следует отметить новаторский характер данного раздела: метод порядкового членения здесь впервые последовательно применен для изучения суффиксального словообразования одного из финно-угорских языков. Это позволило вскрыть законы образования производных глаголов в карельском языке и представить суффиксальное словообразование глагола как единую строго упорядоченную систему.

В четвертом разделе (с. 55—68) рассмотрены морфонологические изменения, происходящие при присоединении глаголообразующего суффикса к производящей основе: чередования конечных гласных производящей основы и усечение производящей основы. Автор исходит из того, что хотя эти явления, представляющие собой древние звукопереходы, как правило, не несут в современном языке специальной смысловой нагрузки, они все же относятся к процессу словообразования и должны учитываться при его изучении. Здесь, как и в других частях работы, автор стремится к системному охвату явлений, это позволяет ей сделать целый ряд интересных наблюдений. Оказывается, например, что изменение конечной гласной основы все же иногда вносит дополнительный оттенок значения. Так, из производящей основы *rīčči-* (*rīččie* 'пороть') и суффикса мгновенного действия *-lda-/-ldä-* можно образовать две производные основы: без изменения конечной гласной основы (*-rīččildä-*) и с ее изменением (*-rīččaldä-*). При этом сохранение конечной гласной основы обозначает полное совершение действия ('распороть быстро и полностью'), а изменение ее придает оттенок неполноты

('подпороть быстро слегка'). См. также другие примеры на с. 62—63. Табл. 2 и 3 (с. 67—68) обобщают представление о морфонологических явлениях на морфемном шве.

Во второй главе «Словообразовательные модели глагола» (с. 69—134) рассматривается функционирование глаголообразующих суффиксов в современном карельском языке. Здесь дается систематическое описание моделей, по которым производные глаголы образуются каждым из суффиксов. Модели производных глаголов с одним и тем же суффиксом отличаются одна от другой прежде всего принадлежностью производящей основы к той или иной части речи (субстантивные, адъективные, глагольные, наречные, местоименные, междометные основы и основы, не функционирующие в современном языке без суффикса). Для каждой модели приводятся конкретные типы основ, морфонологические явления на морфемном шве, семантика производных глаголов, их продуктивность и регулярность, степень распространенности по диалектам. Общее количество выявленных моделей 56. В ходе изложения материала встречается много интересных дополнительных наблюдений, например, о дескриптивных глаголах карельского языка (с. 82—83, 91).

В заключении (с. 135—138) четко и точно суммируются полученные результаты.

Работа настолько хорошо продумана и тщательно выполнена, что в ней трудно обнаружить неточности. Вот они. Общество финской Литературы называется не Suomen Kirjallisuuden Seura (с. 146), а Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Непонятно, почему в работе, посвященной карельскому языку, совершенно не упоминается издающийся в Финляндии под редакцией П. Виртаранта многотомный словарь карельского языка (Karjalain Kielen Sanakirja), три тома которого уже вышли из печати в издании Общества Финской Литературы (I—1968, II—1974, III—1983). Интересно было бы узнать оценку этого словаря специалистами по карельскому языку из Карельского филиала АН СССР. Салминский говор, на наш взгляд, относится не к собственно карельскому (с. 4), а к ливвиковскому диалекту. На с. 60, 80, 176 *näzöittä* значит не 'зарастать мокрицей', а 'дать за-

расти мокрицей' (ср. *näzöittäö* 'зарастать мокрицей'). На с. 86 *vallendiä* лучше перевести не 'освобождать', а 'расслаблять, делать менее тесным (например, одежду, обувь, пояс)', так как *vallä* значит 'свободный' в смысле 'нетесный'. На с. 80 вместо 'копошун' лучше 'копуша'.

Основное значение книги Л. Ф. Маркиановой «Глагольное словообразование в карельском языке» заключается в том, что в ней изложены выявленные автором законы, по которым создаются производные глаголы карельского языка. Книга

написана четко, точно и лаконично. Теоретические положения глубоко продуманы и подтверждены убедительным материалом. Данное в работе всестороннее описание словообразовательной системы карельского глагола, содержащее много совершенно новых, ранее никем не высказывавшихся наблюдений и выводов, делает ее интересной не только для финно-угроведов, но и для специалистов, изучающих словообразование в языках других систем.

З. М. ДУБРОВИНА (Ленинград)

А. И. Туркин, Топонимический словарь Коми АССР, Сыктывкар, Коми книжное издательство, 1986. 144 с.

Из ранее изданных трудов А. И. Туркина по этимологизации коми топонимов следует отметить «Кöні тэ олан?» (Сыктывкар 1977) и «Краткий коми топонимический словарь» (Сыктывкар 1981). Рецензируемая книга заметно дополнена новыми сведениями о происхождении местных названий Коми края. Если в словаре 1981 г. было включено около 250 названий, а в издании 1977 г. рассмотрено всего несколько десятков топонимов, то новый словарь содержит уже 644 развернутые статьи.

В новом топонимическом словаре Коми АССР, как и в предыдущем, даются фонетические варианты топонимов. Здесь они чаще всего уточнены, исправлены. Учитываются коми национальное произношение и особенности коми диалектов, а также контактировавших с ними в прошлом языков. Привлечены данные смежных наук — этнографии, фольклористики, истории, географии и даже геологии.

Объем статей и словаря вообще увеличился в сравнении с предыдущим не только за счет новых данных полевых исследований, но и за счет дополнительных сведений из письменных источников, исторических документов и печатных изданий. Если в словаре 1981 г. на букву Э была дана статья только о топониме *Эжва*, то теперь добавлены статьи *Эжол*, *Эжолты*, *Эньты*; на букву Ю — только *Юньягá* (в новом издании исправлена орфография: *Юнъягá*), в издании 1986 г.

мы находим статьи о гидронимах *Юнковож* и *Юръягá*, *Юръяхá* и о отгидронимических ойконимах *Юкарка* и *Юршор*. Число статей на Ф и Я соответственно увеличено с одной до 2 и 11 (с. 125, 137—138).

Автор широко использует легенды, предания и материалы по народной этимологии. Их особенно много в новом словаре. Например, название горы *Сáбля* (*Сáбляиз*) восходит к нен. *Саук-Пай*, которое сначала проникло в мансийский язык в виде *Саукка-Ур* 'острая гора'. Автор утверждает, что из ненецкого языка оно проникло в коми или русский языки, но как непонятное *саук*, *савак*, *савлюй* было переименовано в *сабля*. В таком виде название попало на карты и в справочники (с. 100). Интересны легенды и предания о происхождении гидронимов *Бóлбанъю* (*Бáлбанъю*), *Кóчпель* (*Кéчпель*), *Командíршор*, *Кúлом* (*Кулómъю*), *Мóртъюр*, *Мóртъюрва* и ойконимов *Габов* (*Гáбово*), *Гаждор*, *Гашдор*, *Гашипяндор* (*Гавриловка*), *Мокчой* (*Мóчча*), *Мáмыль*, *Нóвикбóж* (*Нóвикбож*), *Елэц*, *Кутшмóсер* (*Кúчмозерье*), *Трúсово* и т. д., а также статья об ойкониме *Сéрегов* (*Серёгово*). Скрупулезное изучение исторических документов, касающихся этого ойконима, приводят автора к выводу: как офиц. *Серёгово*, так и местное *Серегов* — именованные эллипсисы, образовавшиеся в результате утраты второй части названия 'гора' (с. 103—104) (речь идет о географическом термине *-ыб* 'возвышенность', входящем